

**Труды
Архива востоковедов
Института восточных
рукописей РАН**

Под общей редакцией
И.Ф. Поповой

Выпуск 1

Труды востоковедов
в годы блокады
Ленинграда
(1941–1944)

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2011

П.П. ИВАНОВ

**Средняя Азия и Казахстан
во второй половине XVIII в.**

*Предисловие и публикация
Е.И. Серовой*

Аннотация: Публикуемая статья принадлежит перу Павла Петровича Иванова (1893–1942), выдающегося российского историка Средней Азии. Статья, написанная П.П. Ивановым в 1938 г., хранится в АВ ИВР РАН (Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 35. Машинопись, 16 л.). Она содержит краткий обзор политической и экономической истории Бухарского, Хивинского, Кокандского ханств Средней Азии, а также освещает некоторые вопросы истории казахского народа во второй половине XVIII в. Текст этой работы впоследствии, вероятно, лег в основу монографии П.П. Иванова «Очерки по истории Средней Азии (с XVI до середины XIX в.)», которая была опубликована лишь после смерти ученого в 1958 г. Несомненно, статья, написанная в конце 30-х гг., ввиду публикации новых исследований и материалов, требует некоторых дополнений, но благодаря четкости изложения, глубокому историческому анализу и подбору фактов она представляет большой научный интерес и в наши дни.

Ключевые слова: П.П. Иванов, Средняя Азия, Казахстан, Очерки по истории Средней Азии, Бухарское ханство, Хивинское ханство, Кокандское ханство, Бухара, Самарканд, казахи.

Материалы, посвященные жизни и деятельности выдающегося историка-востоковеда, автора многочисленных научных работ по истории Средней Азии и Ирана — Павла Петровича Иванова составили в АВ ИВР РАН фонд № 124. Некоторые статьи, входящие в состав этого фонда, никогда не публиковались и неизвестны широкому кругу читателей. При более подробном их исследовании становится очевидным, что они не утратили научной актуальности и по сей день.

П.П. Иванов родился 28 февраля 1893 г. в сибирском селе Песьяно Ишимского уезда Тобольской губернии (ныне — Тюменской обл.)¹. В 1907 г. его отец, крестьянин, перевез семью в Чимкент, где в 1910 г. П.П. Иванов окончил городское училище. В 1910–1914 гг. он обучался в Туркестанской учительской семинарии в Ташкенте. Там, благодаря влиянию наставников, в том числе директора, широко образованного востоковеда Н.П. Остроумова, у П.П. Иванова возник интерес к изучению истории Средней Азии. В семинарии П.П. Иванов изучал узбекский и персидский языки и по ее окончании два года работал учителем в русско-киргизской школе в Чимкенте. Во время Первой мировой войны в 1916 г. Иванов был призван на военную службу и в 1916–1917 гг. обучался в Ташкентском военном училище, по окончании которого в 1917 г. был отправлен на фронт. В дни Февральской революции в Калуге, где П.П. Иванов учился на военных курсах, был организован революционный комитет, в котором Павел Петрович занимал должность секретаря. После демобилизации из армии в 1918 г. он вновь приступил к работе в качестве преподавателя русско-киргизской школы. В октябре 1918 г. Иванов занимал должность заведующего Чимкентской школой второй ступени. В июле 1919 г. будущего ученого опять мобилизуют в Красную армию и назначают заведующим гарнизонными школами Ташкента. Окончательно демобилизовался П.П. Иванов в мае 1920 г.

В 1919 г. П.П. Иванов поступает в Туркестанский восточный институт в Ташкенте и оканчивает его в 1924 г. по иранскому отделению. Копия диплома, хранящаяся в его личном деле в АВ ИВР РАН², содержит список курсов, прослушанных Ивановым. В Институте он изучал языки, знание которых впоследствии помогло ему при работе с рукописными источниками по истории Средней Азии и Ирана: узбекский, арабский, персидский, иранские наречия Средней Азии. По окончании Института П.П. Иванов в течение пяти лет трудился экономистом в государственных учреждениях Ташкента и Фрунзе. К работе по специальности он смог приступить только в 1929 г., когда получил приглашение в ленинградский Восточный институт на должность доцента по кафедре истории и экономической географии Средней Азии. В том же году он начал преподавать в Ленинградском государственном университете.

¹ См. биографический очерк: *Якубовский А.Ю.* Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии // Советское востоковедение. Л., 1948. С. 313–320.

² АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 261. Л. 6.

В начале научной карьеры П.П. Иванов интересовался главным образом археологией Средней Азии. Еще в 1923 г., будучи студентом, он опубликовал две статьи, посвященные истории и археологии древнего городища Сайрам³ в сборнике «Ал-Искандерийя» в честь профессора А.Э. Шмидта⁴. Ряд небольших работ, опубликованных П.П. Ивановым в конце 20-х — начале 30-х годов, освещает вопросы, связанные с экономической географией и экономикой Средней Азии. В 1932 г. увидела свет его книга по истории горного дела в Средней Азии⁵, в 1934 г. вышла в свет статья Павла Петровича «К вопросу о древностях в верховьях р. Таласа»⁶.

22 апреля 1934 г. П.П. Иванов поступил на службу в Институт востоковедения АН СССР в должности старшего научного сотрудника. В этот период он всецело отдает себя научной работе. ИВ, с его богатейшим собранием восточных рукописей, открывает перед ним широчайшие возможности для изучения истории Средней Азии. Главные трудности в работе молодого ученого были связаны с необходимостью выявления источников среди большого количества рукописного материала на персидском и тюркском языках. И за короткий срок (восемь лет) отведенной ему судьбой научной жизни П.П. Иванову удалось сделать очень многое. В области изучения истории Средней Азии XVI–XIX вв. он выступил как исследователь-пионер⁷. В 1935 г. вышла его первая крупная работа «Очерк истории каракалпаков»⁸, в которой, опираясь на данные источников, П.П. Иванов показал основные направления кочевания каракалпаков во времена, предшествующие заселению ими низовий Амударьи. Именно Иванов впервые опроверг существовавшее

---

³ Сайрам — городище на юге Казахстана на месте средневекового города Исфиджаб, который впервые упоминается Сюань-цзаном в 629 г.

⁴ Иванов П.П. Предание о калмыцком нашествии на Сайрам // Сборник Ташкентского Восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. Таш., 1923. С. 46–56; *он же*. Сайрам (историко-археологический очерк) // Там же. 1923. С. 57–58.

⁵ Иванов П.П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Л.–М., 1932.

⁶ Иванов П.П. К вопросу о древностях в верховьях Таласа // Сборник Академии наук СССР. С.Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л., 1934. С. 241–257.

⁷ До публикации работ П.П. Иванова данному периоду были посвящены статьи: Вяткин В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета // Справочная книга Самаркандской обл. на 1902 г. Вып. VII. Самарканд, 1902; Семенов А.А. К проблеме национального размежевания в Средней Азии. (Историко-этнографический очерк). Таш., 1924.

⁸ Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков // Труды Института востоковедения АН СССР. Т. VII. Материалы по истории каракалпаков. Л., 1935. С. 9–89.

в тот период в науке мнение о тождестве печенегов и каракалпаков, а также гипотезу об этническом родстве каракалпаков с ногаями. Работа получила широкую известность, в том числе и за рубежом, была переведена на турецкий язык. В 1935 г. решением Ученого совета ИВ АН на основании «Очерка» П.П. Иванову была присуждена ученая степень кандидата исторических наук⁹.

Углубляясь в исследование источников, П.П. Иванов выявляет новые сведения по экономической истории среднеазиатских народов. Итогом его работы в данной области стали две статьи: «Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии»¹⁰ и «История царствования Сейид Мухаммед-хана (1856–1865)» (перевод из рукописи «Гульшен-и девлет» Мухаммеда Риза-мираба Агехи)¹¹. Приведенные в статьях толкования ряда хозяйственных терминов, основанные на нарративных источниках и документах, стали частью терминологии исторической науки. В 1937 г. была опубликована статья П.П. Иванова «Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821–1825 гг.»¹², в которой он охарактеризовал особенности социальных движений в Средней Азии в XVI–XIX вв., а также подробно исследовал общественно-политическую и экономическую жизнь Бухарского ханства в период правления эмира Хайдара (1800–1826).

В 1938 г. вышел фундаментальный труд «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (XVI–XIX вв.)¹³, подготовку которого научный коллектив ИВ АН вел в течение двух лет. П.П. Иванов выполнил для этой работы частичный перевод с хивино-узбекского языка источников «Фирдоус ал-Икбаль» Муниса¹⁴ и «Гульшен-и Девлет» Агехи¹⁵, снабдил его подробными комментариями и осуществил научное редактирование текстов сборника. В «Материалы» также вошли переводы Иванова с персидского языка и две его вводные статьи¹⁶. В 1939 г. он публикует статью «Казахи и Кокандское ханство»¹⁷.

⁹ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 261. Л. 15.

¹⁰ Известия АН СССР. ООИ. 1935, № 8.

¹¹ В сборнике «Материалы по истории каракалпаков» (ТИВ АН СССР. Т. VII. 1935).

¹² Труды Института востоковедения АН СССР. Т. XXVIII. М.–Л., 1937. С. 130.

¹³ Материалы по истории туркмен и Туркмении (XVI–XIX вв.). В 2 т. // ТИВ АН СССР. Т. XXIX. Источники по истории народов СССР. М.–Л., 1938–1939 (далее — Материалы).

¹⁴ Материалы. II. С. 323–425.

¹⁵ Там же. С. 562–611.

¹⁶ *Иванов П.П.* Хивинские хроники XIX в. Муниса-Агехи как источник по истории туркмен // Материалы. II. С. 23–28; *Иванов П.П., Боровков А.К.* Несколько общих замечаний об источниках по истории туркмен в XVI–XIX вв. // Там же. С. 28–38.

¹⁷ Записки Института востоковедения АН СССР. Т. VII. 1939. С. 92–128.

В конце 1930-х гг. П.П. Иванов занимался изучением архива хивинских ханов. Многолетние усилия ученого по розыску этих материалов были вознаграждены в 1936 г., когда ему удалось обнаружить в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде документы этого архива, вывезенные по распоряжению генерала К.П. Кауфмана (1818–1882) после завоевания Хивы в 1873 г. Составленный из 120 тетрадей (дефтеров), архив содержит датированные 1820–1870 гг. записи о распределении воды среди населения, о землевладении и землепользовании, об урожае и посевах и др. Предварительные результаты исследования Архива П.П. Иванов изложил в октябре 1936 г. в докладе в ИВ АН СССР, а в 1940 г. опубликовал большую работу «Архив хивинских ханов XIX в.»¹⁸. Этот труд высоко оценили коллеги. В отзыве 1941 г. академик И.Ю. Крачковский писал: «Я имел возможность близко ознакомиться с работой П.П. Иванова „Архив хивинских ханов XIX в.“ еще во время печатания и тогда же в предисловии изложил свои соображения относительно важности открытия, сделанного П.П. Ивановым, и научного значения его исследования. После выхода в свет книги появилось большое количество критических отзывов с очень положительной оценкой труда, вышло несколько новых работ самого П.П. Иванова, которые еще отчетливее показали капитальную важность найденных и исследованных им материалов»¹⁹. За эту работу решением Ученого совета Института востоковедения АН СССР от 24 ноября 1941 г. П.П. Иванову была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

Одновременно П.П. Иванов занимается исследованием архива шейхов Джуйбари XVI в. На основании документов данного архива, а также рукописи «Матлаб ат-талибин» П.П. Иванов опубликовал монографию²⁰, в которой он исследовал формы земельных отношений в Средней Азии XVI в.

Перед самым началом Великой Отечественной войны П.П. Иванов работал над монографией «Очерки по истории Средней Азии (с XVI до середины XIX в.)»²¹, опубликованной посмертно в 1958 г. Работу по

¹⁸ *Иванов П.П.* Архив хивинских ханов XIX в. (Исследование и описание документов с историческим введением). Л., 1940.

¹⁹ АВ ИВР РАН, Ф. 152. Оп.3, ед. хр. 261. Л. 42.

²⁰ *Иванов П.П.* Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XIX вв. М.–Л., 1954.

²¹ *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (с XVI до середины XIX в.). М., 1958. Рец.: О.Д. Чехович, Р.Г. Мукминова. О книге П.П. Иванова «Очерки по истории Средней Азии. XVI — середина XIX в.» // Известия Академии наук УзССР, 4, Таш., 1959, с. 70–73.

подготовке рукописи к печати провела вдова автора Ольга Капитоновна Иванова.

Труды П.П. Иванова положили начало всестороннему изучению в России письменных памятников по истории Средней Азии XVI–XIX вв. Павел Петрович обладал исключительной работоспособностью, мог часами просиживать за письменным столом, погруженный в изучение книг и рукописей. С большим увлечением он относился и к преподавательской деятельности. Студенты уважали его, склоняясь перед его большим научным авторитетом, охотно посещали его занятия.

Многим творческим планам ученого не суждено было сбыться, его жизнь оборвалась в самую тяжелую в истории блокадного Ленинграда зиму. П.П. Иванов скончался в ночь со 2 на 3 февраля 1942 г., в расцвете творческих сил, трех недель не дожив до 49 лет.

Публикуемая ниже статья представляет собой краткий обзор истории Средней Азии и Казахстана во второй половине XVIII в.²² Она написана П.П. Ивановым в 1938 г. и позже составила основу нескольких глав «Очерков по истории Средней Азии». Несмотря на то что Павел Петрович работал над текстом в 30-х гг., благодаря четкости изложения, глубокому историческому анализу и подбору фактов она и в наши дни представляет научный интерес.

Е.И. Серова

Средняя Азия и Казахстан во второй половине XVIII в.

<На титульном листе пометка, сделанная рукой П.П. Иванова: Для «Всемирной истории» (Новое время)>

К числу важнейших политических фактов, оказавших влияние на исторические судьбы Средней Азии во второй половине XVIII в., относится подчинение среднеазиатских ханств — Бухарского и Хивинского — Надир-шахом в 1740 г. Выдвинувшись благодаря своим военным способностям из среды кочевников туркменского племени афшар и объединив вокруг себя довольно значительные силы своих соплеменников, Надир умело использовал существовавшие среди окружающих туркменских и иранских феодалов противоречия и овладел в 1736 г. иранским престолом.

Вслед за этим «последний великий завоеватель Азии» подчинил себе Закавказье, Афганистан и дошел до Лагора и Дели в северо-

---

²² АВ ИВР РАН. Ф. 124. Оп. 1, ед. хр. 35. 16 л.

западной Индии, откуда вывез огромные награбленные им там сокровища (1738–1739).

Поводом к походу Надира на среднеазиатские ханства явились набеги хивинского хана Ильбарса (1728–1740) на северные окраины иранских владений. В этих набегах принимали участие также туркмены, вследствие чего их кочевья разорялись иранскими войсками еще задолго до похода Надира в Среднюю Азию. Воспользовавшись враждой между туркменами и их соседями — каджарскими племенами и курдами — Надир сумел подчинить себе Мерв и ряд других туркменских районов. Частые войны с Надиром вынудили некоторые туркменские племена покинуть свои прежние пастбища и переселиться в другие, более отдаленные от иранской границы, места. Сломив сопротивление ближайших к иранской границе туркмен, Надир выступил с войсками в 1740 г. против Бухары и Хорезма (Хивы).

Бухарское ханство занимало в рассматриваемое время довольно значительное пространство в центре Средней Азии, включая Фергану. Столицей ханства являлся город Бухара. Из других наиболее крупных городов можно отметить Самарканд. Население ханства состояло в большинстве из узбеков и таджиков. Узбеки в значительной своей части продолжали вести еще кочевой или полукочевой образ жизни и сохраняли пережитки патриархально-родового быта, хотя и в значительной мере уже пронизанного элементами феодальных отношений. Во главе каждого узбекского рода или племени стояла своя феодально-племенная знать, сосредоточивавшая в своих руках власть над землей и пастбищами и державшая в связи с этим в зависимости от себя основную массу окружающего населения. Власть бухарского хана являлась при таких условиях фиктивной.

Стремясь к расширению своего могущества, узбекские феодалы вели постоянные войны между собой, что крайне болезненно отражалось на положении широких масс населения.

Переживая, таким образом, в первой половине XVIII в. период крайней феодальной раздробленности и полного политического упадка, Бухара должна была подчиниться Надиру без сопротивления. Хан Абуль-Фейз (1711–1747), долгое время безуспешно боровшийся с враждебной ему знатью узбекских племен и совершенно обессиленный, признал себя вассалом иранского шаха и вынужден был выполнять все предъявлявшиеся ему требования.

Хивинское ханство, занимавшее небольшой сравнительно оазис в низовьях Аму-Дарьи, было отделено от остальных районов Средней Азии большими пустынными пространствами, созданными как бы са-

мой природой для защиты от внешних нападений. Население ханства состояло главным образом из узбеков и туркмен, занимавшихся частью земледелием, частью скотоводством.

В противоположность Бухарскому ханству, Хива оказала войскам Надира упорное сопротивление, хотя и не давшее положительных результатов.

Завоевав Хиву, Надир приказал казнить хана Ильбарса и посадил на его месте одного из местных царевичей. Для пополнения своего войска и во избежание возможных возмущений в завоеванной стране Надир увел из Хивы большое число годных к военному делу людей, включив их в состав своей армии, как это делалось им при завоевании и других стран.

Приказано было также освободить всех находившихся в Хивинском ханстве рабов, в большинстве иранцев, число которых доходило здесь, по некоторым данным, до 30 тыс. человек, мужчин и женщин²³. Значительная часть боеспособного элемента была выведена Надиром и из Бухарского ханства.

В число бухарских узбеков, включенных в состав иранской армии, вошел также сын бухарского аталыка (первого министра) Мухаммед Рахим из узбекского племени мангытов, явившийся впоследствии основателем новой, так называемой мангытской династии в Бухаре, о чем подробнее будет сказано ниже.

В 1746 г. против Абуль-Фейза выступил с довольно значительными силами предводитель узбекского племени кытай (кытай), владевший районом между Самаркандом и Бухарой. Потерпев ряд неудач в борьбе с восставшими, Абуль-Фейз обратился за помощью к Надиру. Высланный Надиром большой карательный отряд с артиллерией нанес поражение восставшим и преследовал их до Ферганы, всюду подавляя оппозиционные элементы.

В Хиве после ухода иранских войск возобновилась прежняя борьба между главарями узбекских племен и ханской властью, что привело, в конце концов, к полной анархии и раздроблению страны на ряд враждебных друг другу владений. Частая смена ханов, получившая впоследствии у одного из среднеазиатских историков название «игры в ханы», закончилась в шестидесятых годах XVIII в. переходом политической власти к предводителям некоторых туркменских племен, использовавшим свое господство над оседлыми районами ханства для поголовного грабежа мирного населения.

²³ Источники по этому вопросу см. в «Материалах по истории туркмен и Туркмени», изд[ание] ИВАН. Т. II. М.–Л., 1938, стр[аница]166 и след[ующие]. — *Примеч. П.П. Иванова.*

Хивинский историк рассказывает, что население начало покидать свои места и расходиться в разные страны, особенно в Бухару. В стране начался голод и появились массовые эпидемии; города и селения опустели, пашни заросли тростником. В столице ханства — Хиве — оставалось не более 10 или даже 15 семейств. Некоторые начали есть человеческое мясо. Никто не чувствовал себя в безопасности²⁴.

Борьбу за восстановление Хивинского ханства возглавлял *инак*²⁵ Мухаммед Эмин, происходивший из знати узбекского племени конграт. Опираясь на наиболее активные элементы из своих соплеменников, купечества и духовенства и используя существовавшую вражду между отдельными туркменскими племенами, Мухаммед Эмин сумел к концу своей жизни (1790 г.) уничтожить господство туркмен и восстановить в стране относительное спокойствие, жестоко подавляя всякое сопротивление со стороны враждебных феодальных групп.

Расселившееся во время смут население постепенно возвращалось на свои места. Хозяйственная жизнь страны стала восстанавливаться. Все свои мероприятия Мухаммед Эмин осуществлял как бы от имени ханов, являвшихся в действительности подставными лицами, назначавшимися и смещавшимися по воле *инака*. Таких ханов Мухаммед Эмин за время своего правления [с]менил несколько.

После смерти Мухаммеда Эмина фактически власть в Хиве перешла к его сыну Эвезу (1790–1801), так же как и его отец управлявшему страной в звании *инака*. Сын Эвеза Эльтузар (1804–1806) отказался от обычая возводить на престол подставных ханов и принял ханский титул сам. Таким образом, *инак* Мухаммед Эмин явился родоначальником хивинской династии, получившей название конгратской (кунгратской), управлявшей ханством до 1919 г.

Бухарское ханство после гибели Надира в 1717 г.²⁶ также возвращает себе независимость. Во главе правления становится уже упоминавшийся выше Мухаммед Рахим из мангытов (1747–1758), состоявший после 1740 г. в войсках Надира и незадолго до смерти последнего присланный в Бухару в качестве «главного *аталыка*»²⁷.

²⁴ Цитирование «Материалов по истории туркмен». Т. II, стр. 344. — *Примеч. П.П. Иванова.*

²⁵ *Инак* (тюрк., букв. «доверенное лицо») — титул, обозначавший одного из приближенных хана, придворных.

²⁶ Здесь, возможно, опечатка автора, Надир-шах умер в 1747 г.

²⁷ *Аталык* (букв. «заступающий место отца») — почетный титул, которого удостоивались в Средней Азии особо уважаемые лица.

Убив в 1747 г. Абуль-Фейза и возведя на его место подставное лицо, Мухаммед Рахим при поддержке своих соплеменников мангытов, духовенства и купечества вступает в борьбу с местными феодалами. В течение пятидесятих годов были подчинены Шахрисябз и ряд других более мелких владений, считавшихся во время правления Абуль-Фейза независимыми.

Успеху завоеваний Мухаммед Рахима отчасти способствовала усвоенная им на службе у Надира военная техника, находившаяся у местных феодалов на чрезвычайно низком уровне. В своей борьбе против феодальной раздробленности хан встретил поддержку со стороны той части населения, интересы которой нарушались почти непрерывными феодальными войнами между правителями мелких отдельных владений.

Мухаммед Рахим стремился восстановить жизнь городов, пострадавших от смут предшествовавшего периода. Бухарский историк отмечает, что при завоевании Гиссара бухарский правитель приказал переселить в Бухару, Самарканд и другие центральные города ханства всех, кто жил в тех городах раньше. В связи с этим из Гиссара было выселено 20 тыс. семейств²⁸.

В 1756 г. Мухаммед Рахим принял ханский титул, явившись, таким образом, родоначальником последней бухарской династии — мангытской, — последний представитель которой, как известно, принужден был покинуть Бухару в 1920 г.

Обширные степные пространства, расположенные к северу от среднеазиатских оазисов, были заняты казахами, разместившимися здесь еще в XVI в. Казахи занимались скотоводством, вели кочевой образ жизни и, так же как узбеки и туркмены, делились на множество различного рода племен и родов. Ряд племен и родов составляли особые объединения, называвшиеся ордами (*жуз*). Таких орд в XVIII в. было три — Большая, или Старшая, Средняя и Малая, или Младшая. Во главе каждого племени или рода стояла своя правящая верхушка, составлявшая наиболее зажиточную часть казахского общества и державшая в зависимости от себя массу кочевников.

Наряду с правителями отдельных племен среди казахов пользовались влиянием также султаны-*тöre*, считавшиеся потомками знаменитого монгольского завоевателя Чингиз-хана. Султаны составляли особого рода замкнутую аристократическую касту — «белую кость», —

²⁸ Тарих-и Рахим-хани, соч[инение] Мухаммед Вефа. Рукопись Ин[ститу]та востоковедения АН. С 527, Л. 276а и след[ующие]. — Примеч. П. П. Иванова.

противопоставлявшуюся народным массам — «черной кости». <Добавлено карандашом: Караши>.

В периоды междоусобных войн, происходивших между главарями отдельных племен на почве распределения пастбищ, некоторые из султанов захватывали в свои руки власть и [обретали] ханский титул <добавлено карандашом: формально путем их избрания>. Наибольшим значением ханская власть пользовалась среди казахов в периоды военной опасности, в остальное время она была незначительна ввиду противодействия, оказывавшегося со стороны правящей знати племен. В XVIII в. каждая из казахских орд имела своего хана. Каждый из ханов, опираясь на группу своих приверженцев из знати отдельных племен, вел войны против своих противников — ханов других орд, что в значительной степени ослабило единство и политическую мощь казахского народа. Другая причина политической слабости казахов заключалась в их экономической отсталости. Ни городских центров, ни промышленности (даже ремесленной) в казахских степях в рассматриваемое время не существовало, вследствие чего в экономическом отношении казахи целиком зависели от окружающих соседей — от России на севере, от Средней Азии на юге и Китая на востоке.

На политическую жизнь казахов XVIII в. большое влияние оказали джунгары (калмыки), завоевавшие в первой четверти названного столетия большую часть казахской территории до Ташкента включительно и заставившие казахские племена временно отойти в глубь оазисов Средней Азии и далее на северо-запад до низовьев Урала и Волги.

Джунгарское завоевание вызвало исключительное потрясение в жизни казахского народа, сохранившееся в народной памяти до самого последнего времени. Оно способствовало также обострению хозяйственного кризиса внутри отдельных казахских орд и усилило политические противоречия среди правящей знати.

Не будучи в состоянии защищаться собственными силами против джунгаров, а также враждебных ему ханов Средней и Большой Орд, хан Малой орды Абуль-хайр вступил в 1730 г. в переговоры с русским правительством о подданстве в расчете получить военную поддержку для борьбы со своими противниками. Обращение Абуль-хайра было использовано правительством Анны Иоанновны как удобный предлог для вмешательства в дела казахских степей, интерес к которым наметился в России еще при Петре Первом.

В конце пятидесятых годов XVIII в., когда Джунгарское государство было совершенно уничтожено китайскими войсками, казахи получили возможность возвратиться на свои прежние места, однако преж-

ней независимостью они уже не пользовались. Рассматривая казахов как своих подданных, царское правительство начинает постепенно подчинять их своему влиянию. В тридцатых годах XVIII в. был основан город Оренбург, явившийся уже во второй половине названного столетия крупнейшим административно-политическим и торговым центром в казахских степях. На окраинах казахской территории со стороны Урала, Сибири и Оренбурга царским правительством строится ряд крепостей, официально с целью защиты русской территории от казахских набегов, фактически для того, чтобы оттеснить казахов с севера и ограничить районы их перекочевков.

Ханы и некоторые из представителей казахской правящей знати, подкупленные наградами и подарками оренбургского генерал-губернатора, превращаются в послушное орудие царской политики, другая часть господствующего класса стремится сохранить свое прежнее влияние и вступает в борьбу с царским правительством. Усилившаяся, таким образом, борьба за власть внутри правящей знати еще более усилила отрицательные последствия царской колониальной политики и ухудшила и без того тяжелое положение широких масс кочевников, вынужденных переносить на своих плечах двойной гнет колониально-феодальной эксплуатации, особенно в Меньшей (или Младшей) орде, располагавшейся вблизи русской границы.

Значительно меньшую зависимость от колониальной политики царизма испытывали казахи Большой и Средней орд, кочевья которых располагались на значительном расстоянии от русских «укрепленных линий».

Из ханов Средней орды наибольшей популярностью во второй половине XVIII в. пользовался Аблай, опиравшийся в борьбе против колониальной политики царизма на помощь со стороны Китая. В семидесятых годах Аблай вел войны с киргизами, занимавшими тогда, как и в настоящее время, район Тяньшан[ь]ских гор до Ферганы включительно.

Большая орда занимала в рассматриваемое время район к северу и северо-востоку от Ташкента и имела непосредственное соприкосновение со среднеазиатскими ханствами. В восьмидесятых годах XVIII в. территория Большой орды была завоевана правителем Ташкента Юнус-ходжой, уничтожившим здесь ханское звание и управлявшим Большой ордой через посредство своих людей, выдвигавшихся из знати отдельных племен.

Ограничивая на этом изложение важнейших фактов из истории казахского народа во второй половине XVIII в., возвратимся теперь к дальнейшему изложению событий в Средней Азии за тот же период.

Один из преемников уже упоминавшегося выше Мухаммед Рахима, Шах-Мурад (1785–1800), присоединил к Бухаре области по левую сторону Аму-Дарьи (Балх и др.), отошедшие от Бухарского ханства со времени их завоевания Надиром в тридцатых годах XVIII в. В состав Бухарского ханства была включена также значительная часть современной Туркмении с центром в Мерве. Мерв, остававшийся после смерти Надира под властью каджарских предводителей, был завоеван Шах-Мурадом в 1785 г., причем большинство жителей города, как каджаров, так и иранцев, было переселено в Бухару, где потомки их, известные под названием ирани, живут и в настоящее время.

За время своего правления Шах-Мурад совершил ряд грабительских походов на Хорасанскую провинцию Ирана, доходя до Мешхеда включительно. Походы, оправдывавшиеся мотивами религиозного порядка («борьба с неверными-шиитами»), в действительности имели задачей захват добычи и увод пленных, продававшихся затем на среднеазиатских невольничьих рынках. Из прочих мероприятий Шах-Мурада следует отметить произведенные по его распоряжению обширные оросительные работы на Заравшане и в других районах Бухарского ханства. Правление Шах-Мурада характеризуется, между прочим, как период расцвета религиозного «просвещения» в Бухарском ханстве, когда число учащихся в высших богословских школах (медресе) доходило, по некоторым сведениям, до 30 тысяч человек.

Ко второй половине XVIII в. относится обособление Ферганы в самостоятельную политическую единицу, получившую уже в конце царствования Шах-Мурада название Кокандского ханства. Власть кокандских правителей до начала XIX в. ограничивалась одной только Ферганской долиной, притом, по-видимому, только центральной ее частью. На северо-востоке долины еще в середине XVIII в. играли главную роль киргизы, занимавшие в это время, как уже указывалось, не только северные, но и южные склоны Тяньшаня. Некоторым влиянием на ферганские дела пользовались в середине XVIII в. также казахские ханы Большой (Старшей) и Средней орд, управлявшие в это время районом Ташкента в качестве вассалов калмыцких (джунгарских) князей.

В XVIII в. в Фергане наблюдается некоторый экономический подъем, выразившийся, в частности, в расширении городской жизни и развитии шелководства, что, по-видимому, было связано отчасти с ростом торговли с Китаем (Кашгарией), а также окружающей кочевой периферией. Завершающийся в Средней Азии к концу XVIII в. процесс формирования внутреннего рынка отразился и на Фергане, где также

наблюдается укрепление связей между отдельными ранее разрозненными районами, что, в свою очередь, облегчило задачу объединения Ферганы под властью одного правителя.

Таким образом, под влиянием различного рода социально-экономических факторов в Средней Азии к концу XVIII в. происходит процесс некоторой политической консолидации, следствием чего явилось образование здесь трех централизованных феодальных деспотий, известных в литературе под названием ханств Бухарского, Хивинского и Кокандского. Следует, впрочем, отметить, что с образованием названных ханств объединение среднеазиатской территории еще не завершилось. На окраинах ханств остается ряд мелких владений, упорно защищающих свою независимость. Таков, например, Шахрисябз, вернувший себе самостоятельность вскоре после смерти Мухаммед Рахима бухарского, Арал на севере Хивинского ханства, горные владения, входящие в состав современного Таджикистана, и некоторые другие.

Слабо связана была со среднеазиатскими ханствами также кочевая периферия — туркмены на юго-западе, киргизы на северо-востоке и казахи и кара-калпаки на севере.

Процесс дальнейшего формирования среднеазиатских ханств и связанная с ним взаимная борьба местных феодалов между собой составляет основное содержание политической истории Средней Азии в первой половине XIX в.

Выше уже отмечалось, что вторая половина XVIII в. в Средней Азии характеризуется также довольно значительными экономическими сдвигами, выразившимися в общем повышении производительных сил. Постепенная ликвидация политической раздробленности, восстановление городской жизни, а также отход массы казахов в свои степи после разгрома джунгарского государства китайцами в 1755–1760 гг. способствовали восстановлению нормальной хозяйственной деятельности местного населения и укреплению экономических связей между отдельными районами. Развитие капитализма в Европе и России и постепенное распространение его на Восток также не могло не отразиться на экономике среднеазиатских ханств, вовлекавшихся в сферу международного обмена. Международный, в частности, российский рынок уже во второй половине XVIII в. начинает предъявлять довольно усиленный спрос на среднеазиатское сырье и некоторые изделия, стимулируя, таким образом, местное производство и вызывая соответствующую перестройку производственных отношений внутри местного общества, насколько это было вообще здесь возможно в условиях господства феодального способа производства. Наряду с феодалом на

фоне местной экономики выдвигается фигура торговца-ростовщика и бая, усиленно эксплуатирующих местное крестьянское и ремесленное население путем применения докапиталистических методов.

В тридцатых годах XVIII в. был основан, как уже указывалось, город Оренбург, превратившийся в главный центр торговли между Россией и Средней Азией и целиком занявший в торговом отношении место Астрахани. Основными предметами вывоза из Средней Азии во второй половине XVIII в. являются шелк и шелковые изделия, сухие фрукты и хлопчатобумажные изделия. В это же время среди российских купцов появляется заметный интерес к среднеазиатскому хлопку.

Одновременно со среднеазиатскими торговыми караванами в Оренбург стали прибывать также некоторые купцы из Кашгарии, Бадахшана и других районов, расположенных вне пределов Средней Азии. В свою очередь, некоторые из вывозившихся из России товаров, следуя транзитом через Среднюю Азию, поступали в Герат, Балх и другие области по левому берегу Аму-Дарьи, откуда они иногда достигали районов Кабула и северо-западных границ Индии.

Это обстоятельство послужило поводом к составлению в Оренбурге проекта об открытии торговли с Индией, для чего предлагалось создать особую компанию из состоятельных купцов. Проект был отклонен Сенатом как преждевременный.

Наряду с торговлей с Россией в XVIII в. продолжают развиваться торговые отношения Средней Азии с окружающими восточными странами — Ираном, Афганистаном, Кашгарией и казахскими степями. В конце XVIII в. большое торгово-экономическое значение приобретает Ташкент, являвшийся важнейшим пунктом на пути в казахские степи и в Оренбург.

Несмотря на довольно значительный размах внешней торговли, производство в Средней Азии продолжает оставаться на прежнем низком уровне. Промышленная техника не развивается, разработка горных богатств отсутствует, военная техника носит примитивный характер. В таком состоянии среднеазиатские ханства вступают в двадцатый век, явившийся, как известно, для них критическим.

В заключение остановимся на краткой характеристике народных движений, происходивших во второй половине XVIII в. в Средней Азии и Казахстане и изученных, к сожалению, пока крайне недостаточно.

В обстановке почти непрерывных войн и частой смены правителей, стремившихся в кратчайший срок обогатиться за счет массы трудящегося населения, народные восстания, разумеется, были довольно обычным явлением. Широкая волна восстаний против ханской власти

прокатывается в период правления Мухаммед Рахима и сына его эмира Даньяла (1758–1785). Бухарские историки, рассказывающие нам об этих событиях, говорят о них главным образом как об эпизодах борьбы местных феодалов против ханской власти. Однако необходимо отметить, что в своей борьбе против хана местная знать опиралась почти исключительно на крестьянские ополчения, от активности которых и зависел конечный исход борьбы. Можно, таким образом, полагать, что многие из эпизодов вооруженной борьбы в Бухарском ханстве XVIII в. содержали в себе значительные элементы крестьянских или народных движений, протекавших с участием народных масс и лишь возглавлявшихся и использовавшихся местными феодалами в своих узкоклассовых интересах. К числу такого же рода народных, в основе аграрных, движений, возникавших в результате тяжелого положения трудящихся масс, принадлежат, в частности, и туркменские восстания XVIII в., направленные против феодального гнета хивинских и иранских феодалов.

Подобный же характер носили народные восстания в Казахстане, где они также были нередко связаны с движениями, исходящими из среды правящей знати. Примером подобного рода движений может служить известное восстание одного из представителей средних правящих кругов, *батыра*²⁹ Сырыма, начавшееся в 80-х годах XVIII в. и завершившееся убийством ставленника царского правительства хана Малой орды Ишима в 1797 г.

В своей борьбе против ханской и царской власти Сырым опирался на помощь не только средних кругов правящего класса, но и на поддержку со стороны широких масс казахского народа, рассчитывавших революционным путем улучшить свое положение.

В связи с противоречивостью интересов и различием социального состава участников восстания последнее не могло достигнуть целей и было подавлено вооруженной силой.

Тяжелый гнет феодальной эксплуатации сказывался также на городском, преимущественно ремесленном, населении. В источниках содержатся указания на отдельные вспышки восстаний среди городского населения Средней Азии XVIII в., в частности, в Бухаре в последние годы правления эмира Даньяла.

---

²⁹ *Батыр* — у тюркских и монгольских народов этот термин первоначально обозначал человека, обладавшего физической силой и ловкостью, богатыря. Титул *батыра* впоследствии давался за воинские подвиги. В XVIII в. в Казахстане обладателями данного титула являлись представители патриархально-родовой знати.

Другое из подобного же рода ремесленных восстаний происходило в 80-х годах XVIII в. в Ташкенте, в начале правления уже упоминавшегося выше Юнуса-ходжи³⁰. Сохранившиеся предания указывают, что восстание против господства ходжей в Ташкенте сопровождалось устройством уличных баррикад и вообще носило необычайно ожесточенный характер, хотя и закончилось поражением восставших.

Характерной особенностью большинства отмеченных здесь народных и крестьянских движений является их неорганизованный стихийный характер и сепаратизм, свойственные, как известно, всем подобного рода движениям вообще.

Октябрь 1938.

Summary

P.P. Ivanov

Central Asia and Kazakhstan in the second half of the 18th century.

Preface and publication by E.I. Serova

The article is written by Pavel Petrovich Ivanov (1893–1942), an outstanding Russian historian of Central Asia. Since 1938, it is kept in the Archives of the Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS (F. 124. Inv. 1, unit 35) and represents a short review of political and economic history of some Central Asian khanates, such as the Khanate of Bukhara, Khiva, Kokand. It also dwells upon some questions of the Kazakh history in the second half of the 18th century. It possibly served as a basis for the writing of several chapters of his major work *Studies on the History of Central Asia in the 16th — mid-19th cc.* which was published in 1958 after the scholar's death. Undoubtedly the article which was written in the late thirties of the last century, and now requires some additions in view of the new research and materials, but thanks to its concise language, deep historical analysis and selection of facts, it still represents great scientific interest. This is its first publication.

Key words: P.P. Ivanov, Central Asia, Kazakhstan, *Studies on the History of Central Asia*, the Khanate of Bukhara, the Khanate of Khiva, the Khanate of Kokand, Bukhara, Samarkand, Kazakhs.

---

³⁰ *Ходжа* — знатный человек, занимающий высокое положение в обществе, знающий Коран, умеющий читать и писать по-арабски. Титул «ходжа» передавался в Средней Азии по наследству.